

Хань Цихэ вернулся домой за полночь. Стоя на вымощенной галькой дорожке, он посмотрел вверх: в окнах обеих этажей не горело ни огонька, и массивное здание казалось мрачным и безжизненным. Поднявшись на четвертый этаж, он осторожно отворил дверь и, подсветив телефоном, направил луч на кровать. Шангуань И там не было.

Шангуань И щелкнул пальцами, и прикроватная лампа с датчиком звука, стоявшая рядом с Хань Цихэ, вспыхнула светом. Хань Цихэ сунул телефон в карман узких джинсов и, не выпуская из рук принесенные вещи, помахал Шангуань И.

— Почему ты еще не спишь? Уже очень поздно!

— Не спится.

— Как твое... самочувствие? — Хань Цихэ зажег во всей комнате свет, чтобы как следует рассмотреть Шангуань И. Старая поговорка гласит: супруги даже одного дня — это сто дней милосердия, и это действительно так. Сейчас ему хотелось лишь одного — окружить его заботой.

Шангуань И прищурился, и лишь спустя долгое время его взгляд прояснился. Когда он открыл глаза, Хань Цихэ уже придвинулся вплотную и прислонился головой к его плечу.

— Ты правда меня любишь?

— М? — Хань Цихэ выпрямился и с недоумением посмотрел на него. Он не понимал, зачем Шангуань И спрашивать об этом именно сейчас.

— Мы, кажется, вообще ничего не обдумали, просто сошлись...

— М?

— Ты ведь любил Ань Цзыфан десятки лет, как же... — Шангуань И повернул голову и посмотрел на Хань Цихэ. Его красивое лицо не выражало никаких эмоций. Неужели это значит, что его просто использовали? Он добавил: — Так быстро переметнулся?

— М?

— Тебе просто стало скучно или любопытно, и поэтому ты решил быть со мной? — Шангуань И произнес это очень четко, но Хань Цихэ, казалось, не понимал, в чем проблема. Сошлись — значит, сошлись, зачем искать столько причин?

— Шангуань И, я действительно много лет любил Ань Цзыфан. Но как только я признал, что люблю тебя, я понял: мои чувства к ней ограничены лишь понятием родства. А к тебе — совсем

другое. Возможно, поначалу мне и было любопытно, но я не из тех, кто бросает человека, поиграв. Я буду нести ответственность. И вообще, что ты считаешь любовью? Нужно ли расписывать причины и следствия моих чувств? Тогда спрошу я: у тебя ведь тоже есть человек, которого ты любишь? Почему ты полюбил меня? Ты ветреный или я тебя соблазнил?

Лицо Хань Цихэ оставалось холодным. Шангуань И почувствовал себя неловко. Ему показалось, что Хань Цихэ злится — обычно тот вел себя легкомысленно и никогда не говорил с ним так серьезно.

Раздался резкий звук, и половина шторы за спиной Шангуань И с шумом отдернулась. Хань Цихэ действительно был в ярости — даже шторы дернул с лишней силой.

Небо сегодня было черным, без единой звезды, но даже в этой тьме можно было различить, как за окном на ветру колышутся ветви деревьев. Хань Цихэ схватил Шангуань И и прижал его к панорамному окну.

— Что мне сделать, чтобы ты поверил, что я тебя люблю?

Шангуань И склонил голову, опустив взгляд — он не решался смотреть прямо. Может, он и вправду выглядит смешно, задавая такие вопросы после того, как все уже случилось? В любом случае, назад дороги уже нет.

— В тот раз, когда ты стоял там, мое сердце начало биться неровно. Ты был таким же потерянным, как я когда-то. Мне хотелось тебя пожалеть, хотелось, чтобы ты стал счастливым. Когда я поливал цветы, мне нравилось сначала поливать тебя, потому что тогда ты снимал одежду...

— И что такого, что я снимал одежду?

Хань Цихэ неловко усмехнулся, не став объяснять — пусть додумает сам.

Он медленно приблизился и прижался губами к уголку его рта. Шангуань И не стал отстраняться, наоборот, он повернул голову, подставляясь для поцелуя.

— Я не знаю, что у меня в голове, но, кажется, я действительно тебя полюбил. Я не хочу быть просто игрушкой... — Не успел он договорить, как язык Хань Цихэ проник внутрь, и сбивчивое дыхание стало лучшим подтверждением его чувств.

— Шангуань И, не думай слишком много, от этого ты только устанешь. — Скорее всего, Шангуань И не имел подобного опыта, а он сам все сделал слишком поспешно, не подумав о его чувствах. Просто поддался порыву, хотел, чтобы тот ответил ему любовью, и взял его... Черт! Неудивительно, что Шангуань И накручивает себя.

— Не называй меня по фамилии, это слишком официально.

Ладонь Хань Цихэ легла на его бедро, но тут он что-то вспомнил и замер.

— Что такое?

— Прости, твое тело, наверное, еще не восстановилось.

Шангуань И закусил губу и кивнул. Он чуть было не поддался течению. Он ведь даже сам не понимает, за что полюбил Хань Цихэ, так с чего вдруг начал сомневаться в нем?

— Спи. Не забивай голову. — Хань Цихэ погладил его по волосам, одарив ласковой улыбкой.

— Шангуань И, любовь невозможно объяснить. Ты можешь спрашивать меня хоть тысячу раз, ответ будет тем же. Если тебя гложет, почему мы переспали сразу после признания, скажу: мы мужчины, наш характер отличается от женского, а влечение в десятки раз сильнее...

— Мне кажется, мы оба слишком легкомысленны...

— Какое легкомыслие? Я хотел тебя уже давно, просто не хотел признаваться и боялся к тебе прикоснуться. Мною управляли психологические установки, я заставлял себя думать, что люблю Ань Цзыфан, поэтому и не признался раньше.

Хань Цихэ не знал, что еще сказать, поэтому нес всякую чепуху.

— Хань Цихэ...

— Помнишь, я как-то пробовал на тебе эфирное масло? Тогда ты повернулся ко мне спиной, но моя голова была забита такими фантазиями! Даже родинка у тебя на спине казалась мне сексуальной. Я хотел целовать ее, хотел войти в тебя, но ты, черт возьми, не подал и вида! Как бы я ни дразнил, ты лежал как бревно. А еще тот раз, когда ты вышел из ванной, обернувшись одним полотенцем? Я все думал, почему оно не падает, и даже пытался невзначай его потянуть. Но, испугавшись собственных мыслей, не решился продолжать — боялся тебя напугать, ведь не знал твоих чувств. Я сам не понимал, что это за эмоции, я же считал, что я не гей! И еще...

— Замолчи...

— Я не легкомысленный, я хотел тебя уже давно.

— Да пошел ты к черту!

Рядом с ним все это время находился такой опасный человек, а он и не подозревал! Так кто из них легкомысленный? Стоило ему сказать о любви, стоило поцеловать — и он уже полностью потерял голову. Шангуань И в отчаянии упал на диван.

Хань Цихэ навис над ним, сев верхом. Если не заниматься сексом, а просто целоваться — ничего ведь не будет.

— Убирайся. — Шангуань И оттолкнул его лицо ладонью! Какой же он мерзавец. Он заставил его почувствовать себя таким доступным. Он не тот, с кем можно делать что угодно, он не хочет быть снизу. Он мужчина, и даже будучи геем, должен отстаивать свое достоинство.

— Не бойся, я только поцелую, двух секунд хватит.

— Нет! — твердо и решительно отрезал Шангуань И.

— Ну не будь таким! Теперь-то ты знаешь о моих чувствах, почему ты не хочешь...

Лучше бы он молчал. От этих слов Шангуань И пришел в еще большую ярость, резко оттолкнул его, направился к кровати и лег, даже не взглянув на него.

— Шангуань! — Хань Цихэ с хитрой ухмылкой, размахивая тюбиком с мазью, подошел к кровати. Но не успел он прилечь, как Шангуань И пнул его ногой, и Хань Цихэ, морщась от боли, поднялся, держась за край кровати.

— Я помогу тебе намазать мазь.

Лицо Шангуань И мгновенно залилось краской — то ли от гнева, то ли от стыда. Он гневно сверкал глазами, но смотреть на Хань Цихэ не решался.

— Я хочу, чтобы твой цветок был в полном порядке...

— Да пошел ты! — Он снова пнул его и завернулся в одеяло с головой.

— Малыш, не капризничай. Снимай штаны, я нанесу лекарство. — Хань Цихэ просунул руку под одеяло и ухватился за край его брюк, ехидно ухмыляясь. Шангуань И изо всех сил тянул штаны на себя. Слушаться его во всем — это же так позорно! Он лишь однажды оказался снизу, но он еще возьмет свое!